

ИСТОРИЯ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА

В начале Первой мировой войны настроение Я. Гашека совпадало с чувствами его соотечественников, не только не горевших желанием сражаться за победу империи Габсбургов, в состав которой входила Чехия, но и нередко желавших ей поражения. Многие из них предпочитали сдаваться в плен, особенно на русском фронте, и даже участвовали потом в боях против Австро-Венгрии. Были случаи, когда сдавались целыми полками (28-й, 36-й чешские полки). На фронте он сразу стал искать случая сдать в плен. После двух-трех неудачных попыток такая возможность представилась 24 сентября 1915 г. близ местечка Хорупаны к северо-востоку от Львова. Весной 1916 г. в лагерях стало известно о формировании в России чехословацких добровольческих частей (созданных по настоянию чехов и словаков после первоначальных отказов царского правительства). Некоторое время Я. Гашек служит писарем при штабе войска, периодически выезжая непосредственно на фронт. Сразу же возобновилась и его литературная активность. По слухам, он и в лагере пробовал что-то писать и за неимением бумаги пытался даже использовать для записей бересту. Жаль, что не сохранилось ни одного такого автографа. Он широко сотрудничает с еженедельным журналом «Чехослован», издававшимся в Киеве на чешском языке. Начиная с июля 1916 г. почти в каждом номере печатаются его материалы — статьи, корреспонденции с фронта, сатирические очерки, рассказы, стихотворения, юморески.

Особое место в литературном творчестве Я. Гашека 1916–1917 гг. занимают его корреспонденции с фронта, в том числе непосредственно о боевых действиях [см. 1]. Характерна, например, ни у нас, ни в Чехии ни разу не воспроизводившаяся после первой публикации статья «Наши георгиевские кавалеры», в которой Я. Гашек пишет о чехах, награжденных георгиевскими крестами: «За каждой такой лентой, — пишет он, — стоит подвиг, во многих случаях связанный с тем, что человек неоднократно смотрел смерти в глаза» [2, с. 1]. Продолжая, Я. Гашек описывает около десятка конкретных примеров отважного поведения своих соотечественников на передовой: «Перед моим взором проходит череда героев, чьи имена навечно означены в армейских приказах. Так, например, пятьдесят добровольцев пробиваются во вражеские окопы и принуждают сложить оружие и сдать семьдесят немцев. И все пятьдесят человек, не отпуская пленных, снова пробиваются затем сквозь значительно превосходящие силы противника и возвращаются в свою часть» [2, с. 1].

Естественно, в сознании писателя, в его размышлениях о будущем чешского народа особое место занимала Россия, где и совершались судьбоносные для его родины события. Ощущение российского контекста — важнейшая особенность самой атмосферы его литературного творчества этого периода. Он с юности проявлял очень большой интерес к России, знал русский язык и русскую литературу. Друг его молодости Иржи Гаек вспоминал впоследст-

вии: «Гашек очень любил русских авторов и сам имел так много общего с Максимом Горьким. Мы хотели жить по-русски».

Я. Гашек с восторгом встретил Февральскую революцию, благодаря которой, по его мнению, «великая славянская держава сразу возвысилась как страна свободы, где властвует разум, а отнюдь не воля деморализованных индивидов» [3, с. 155]. В конце марта 1917 г. он делился мыслями о событиях в России: «То, что здесь создается, уже давно живет в наших сердцах. Они (россияне. — *Е. П.*) лишь указывают нам верный путь. Ясно, что движение, цель которого отстоять интересы народа и добиться установления республики, не может достичь ее только парламентскими средствами. ... Мы сами осуществляем вооруженную революцию против Габсбургской империи и потому провозглашаем в связи с русским переворотом: “Да здравствует революционное войско первой чехословацкой республики”» [3, с. 380].

Но если Февральскую революцию Я. Гашек встретил восторженными приветствиями, то совершенно иным было в то время его отношение к большевикам, политику которых он считал антипатриотичной и наносящей вред интересам как России, так и чехов и словаков. Он неоднократно и убежденно заявлял о финансовых связях Ленина с германским генеральным штабом и приводил в пользу такой версии некоторые собственные доводы и соображения. Особенно показательна в этом смысле его оценка июльских событий 1917 г., когда русский фронт под влиянием большевистской агитации стал разваливаться, а чешские части оказались в критическом положении. Характерна его статья «Письмо с фронта», опубликованная им в журнале «Чехослован» 13 сентября 1917 г., а написанная еще раньше [см. 4]. Письмо подводит своего рода итог анализу событий начала июля 1917 г., вылившихся в прорыв русского фронта. «Сегодня становится ясно, — писал Я. Гашек, что первое колебание русского фронта 5 июля этого года находится в непосредственной связи с демонстрациями большевиков в Петрограде, когда они выдвинули лозунг, призывавший войска на фронте покинуть окопы. Это было своего рода саботирование ведения войны, начавшееся самострелами приверженцев большевиков, которые повреждали себе пальцы и покидали позиции. На многих участках фронта эта болезненная процедура переросла в силовую навязанную забастовку. Полки, которые должны были наступать и атаковать противника, насильственно задерживались другими полками, стоявшими в резерве, проведена была разнузданная массовая агитация во вновь прибывших батальонах и наконец было начато выполнение намеченного плана — добровольное оставление позиций». Я. Гашек отказывался признать случайностью совпадение по времени переброски германских войск из Франции под Тернополь и последующего наступления немцев с подготовкой и организацией беспорядков в Петрограде. Мысль о роли германских денег в российских событиях не раз повторяется в статьях и фельетонах Я. Гашека. В рождественском «Фельетоне» [см. 4] 24 декабря 1917 г., сообщив, что большевики отменили рождественские праздники, он напоминает, что они еще до этого успели отменить и «многое другое», в том числе:

1. Свободу печати.
2. Свободу личной независимости.
3. Свободу убеждений.
4. Свободу носить чистую манишку, не вызывая подозрения, что ты «буржуйка паршивый».
5. Свободу иметь в кармане сорок керенских рублей и не вызывать подозрения, что ты долго пил «кровушку нашего брата».
6. Свободу мысли. Я имею в виду и случаи, когда человек вообще ничего ни о чем не думает и ничего не мыслит, а матросы с крейсера «Аврора» скажут ему: «Видели вы его, этого контрика? У него контрреволюция на уме, бей его, интеллигента».
- 7., 8., 9. ... Нашлось бы много чего и другого, что отменили большевики. Единственно, чего они не отменили, это обещание, которое Ленин дал императору Вильгельму, по-настоящему разворотить все в России.

Советская власть находит для ценного писателя-интернационалиста новое занятие. В декабре 1918 г. во главе вооруженного отряда чувашей Ярослав Гашек направляется в только что отбитую у белых Бугульму, где тогда был расквартирован штаб 5-й армии Восточного фронта во главе с будущим маршалом Михаилом Тухачевским. Начинается стремительное восхождение чешского писателя по партийной лестнице. Уже через месяц его назначают комендантом Бугульмы. Коммунист Ярослав Гашек вершит революционное правосудие в богом заброшенном татарском городке. «У одного попа мы нашли пулемет и несколько бомб, — рассказывал он впоследствии. — Когда мы его вели на расстрел, поп плакал». К врагам революции красный комиссар относился непримиримо: «Ввиду того, что веревка у нас отменена, предлагаю всех этих предателей иванов ивановичей на месте расстреливать». Впечатления этих нескольких месяцев впоследствии легли в основу цикла рассказов «Как я был комендантом Бугульмы».

Вскоре Ярослава Гашека приписали к политотделу 5-й армии, части которой теснили войска Александра Колчака в глубь Сибири. В январе 1919 г. он оказывается в Уфе, где начинает издавать большевистскую газету «Наш путь». Потом следуют Челябинск, Омск, Красноярск.

В Иркутске, куда писатель перебрался в апреле 1920 г., его избирают депутатом городского совета. Начинается бурная деятельность по укреплению советской власти в городе. Он издает газеты «Штурм»-«Рогам» («Наступление») на немецком и венгерском языках, «Бюллетень политработника» на русском. Тогда же Я. Гашеку выпала честь издавать первую в мире газету на бурятском языке, выходящую под заголовком «Юр» («Рассвет»), для чего он в спешном порядке освоил бурятский.

Российский этап жизни Я. Гашека нашел свое отражение в основном в многочисленных газетных статьях и фельетонах, которые он писал для выходивших в России чешских газет. В июне 1917 г. в Киеве вышла повесть «Бравый солдат Швейк в русском плену», продолжившая цикл, послуживший основой для знаменитого романа. В ходе похода Красной Армии в Сибирь Я. Гашек тоже не оставляет литературное творчество. Так, в Омске он всего за месяц написал пьесу «Хотим домой», адресованную в первую очередь

военнопленным. А чтобы ее поставить он даже создал в городе новый театр. Всего же, произведения, написанные Гашеком в России, составили целых два тома из шестнадцати в собрании его сочинений.

Литература

1. Hašek, Jaroslav. Co se všechno v minulém roce na světě stalo / Hašek Jaroslav. // — Čechoslovan. — 1917. — 31.12.
2. Hašek, Jaroslav. Naši georgievští kavalíři / Hašek, Jaroslav. — Čechoslovan, 1917, 15.1. — 9 с.
3. Lehár, Jan. Česká literatura od počátků k dnešku / Lehár, Jan. — Lidové noviny, 2008. — 1002 с.
4. Никольский, С. В. Ярослав Гашек — георгиевский кавалер / С. В. Никольский. — М., 2007. — С. 146–186.

Аль-Гарзи Хайдер Х. Мохаммед (Минск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» И Б. ШОУ «ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА»

Вопрос о типологических схождениях пьес Антона Павловича Чехова «Вишневый сад» (1904) и Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» (1913–1917) в русскоязычном литературоведении давно стал хрестоматийным. Сравнительный анализ этих произведений является отправной точкой для изучения диалога английского классика с русской культурой. Матрица, предложенная русскими учеными Г. П. Бердниковым [1], А. Роммом [6], А. Г. Образцовой [4; 5], Т. К. Шах-Азизовой [7], может быть использована при изучении влияний Б. Шоу на арабскую культуру, а непосредственный анализ двух пьес позволит очертить возможные уровни типологического исследования.

Творчество русского и английского классиков развивалось в контексте становления «новой драмы». Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, М. Горького и А. П. Чехова в «Квинтэссенции ибсенизма» Б. Шоу относил к норвежской школе, для которой были характерны следующие черты: социальная обусловленность, аналитичность, дискуссионность; изображение внутреннего мира личности, который, в свою очередь, является проекцией мира внешнего (семьи, социума), принцип двойного диалога, подтекст, открытый финал. Основные мотивы, которые разрабатывали представители этой школы: иллюзорность счастья, осознание быстротечности жизни, неприкаянность человека в мире. Все эти черты находим в рассматриваемых пьесах.

Пьеса «Вишневый сад» А. П. Чехова в 1909 г. была поставлена в Глазго, а в 1914 г. — в Лондоне, где ее видел Б. Шоу. Английская публика принимала постановки пьес Чехова прохладно, считая их слишком русскими, но в предисловии к «Дому, где разбиваются сердца» в 1919 г. Б. Шоу напишет: «...события этих чрезвычайно русских пьес могли произойти во всяком европейском поместье, где музыкальные, художественные, литературные и театральные радости вытеснили охоту, стрельбу, рыбную ловлю, флирт, обеды вино. Такие же милые люди, та же крайняя пустота» [9]. И далее драматург развивает тему моральной ответственности интеллигенции за сохранение